

ЗВЕНИЯТ В ДУШЕ ЛАТГАЛЬСКИЕ МОТИВЫ...

Звенят в душе латгальские мотивы
И песни старых деревень,
Где удивительно красивы
И Рождество, и Янов день.
А говорок чарующий латгальский,
Как прежде, за душу берёт,
И образ новой Бениславской*
Опять в Латгалию зовёт...
Там всё особое, родное –
Изба и пруд, жасминовый забор
И поле васильковое, ржаное,
Где земляникой пахнет косогор.
Как будто вновь я бегаю мальчишкой
И жадно пью из жбана молоко,
А по ночам тайком читаю книжки,
Что увели из той деревни далеко.
И вот я снова собираюсь
Опять в места, похожие на Русь,
И вам с надеждою признаюсь,
Что я ещё в Латгалию вернусь...

* Галина Бениславская, верная подруга С. Есенина, свою юность провела в Латгалии.

Я ПРОСТОЙ ПОДОРОЖНИК

Я простой подорожник.
Рос в латгальской пыли.
Меня мяли колёса,
И хлестали дожди.
Высоко не поднялся
И красиво не цвёл.
Но зато не зазнался,
И людей не подвёл.
И свой крест я не бросил,
Не сбежал под откос
И целебные росы
Вам до сердца донёс.
Я увижу безвестно,
Словно вовсе не жил...
Только помните честно:
Я стихами
Вам души лечил.

ДАЛЕКО ОТ РЯЗАНИ ЛАТГАЛИЯ

Далеко от Рязани Латгалия
И озёра здесь вместо Оки,
Но и здесь про Есенина знали
С давних пор в деревнях мужики.
Рассуждали:

«Ну, знамо, он нашенский,
Староверских рязанских кровей...»,
Вспоминали про барыню Кашину,
Что была Бениславской нежней.
Те легенды давно позабылись,
И ушли в другой мир старики,
Но в душе навсегда сохранились
Те сошедшие с неба стихи.
Я писал,
И приблизиться пробовал,
Я хотел на него походить
И любить этот мир по-особому,
По-есенински верить и жить.
Только жизнь
По-другому сложилась,
Я её по-другому сложил,
И другие стихи
У меня получились,
И не так я, наверно, любил...
Мне уже не прославить Латгалию,
Не воспеть её чудную рожь,
Но хочу,
Чтоб Есенина знала
И в Латгалии молодежь...

СЕГОДНЯ СНОВА СОЛНЕЧНО В ЛАТГАЛИИ

Сегодня снова солнечно в Латгалии
Ромашки тянут к небу лепестки,
Цветущий лён
Сгорает синим пламенем
И свежим сеном пахнет у реки.
Мне вновь в душе
Былое вспоминается –
Не только рожь, ромашки, васильки,
А как мозоли кровью наливались
На том покосе
Утром у реки.
И было мне тогда не до романтики –
Нужда мальца сгибалась до земли,
А кто-то дёргал девочек за бантики,
И уходили в космос корабли.
И ты прости,
Любимая Латгалия,
Что я за долей лучшее сбежал,
И не мои труды тебя прославили,
И не тебе я лучшее отдал.
Теперь я здесь,
Как будто гость непрошенный,
Перед тобой сгибаюсь до земли,
Прости,
Что луг останется нескошенным,
И не по мне
Увянут васильки.

ВЕЗЁТ ЛАТГАЛИИ НА ЖЕНЩИН

Везёт Латгалии на женщин,
Что на себе Латгалию везут.
Они достойны почестей не меньше,
Чем та, что Марой* бронзовой зовут.
Они тихи и с виду неприметны,
Но приглядись душой, –
Какая стать,
Как много в них величия и света,
Что в королевы можно записать.
Но только жизнь у них
Совсем другая,
Не королев, а Золушек судьба,
Которые здесь отдыха не знают
И принцев не встречали никогда.
Но всё равно – они везут и тянут,
В делах, трудах
С утра и до зари
И никогда, я верю, не устанут
Читать своим детишкам буквари.
Они не только почестей достойны,
Достойны лучшей жизни и судьбы,
Чтоб мужики не делали им больно,
Хотя бы пол-Латгалии везли.
Я их, наверно, тоже не достоин,
Поскольку сам сбежал из этих мест,
Но за судьбу Латгалии спокоен,
Пока над ней
Живые мары держат крест.

ГОРДИМСЯ ТОБОЙ, МОСКВИНО

*Татьяне Кол索вой, которая
открыла для мира деревеню
Москвино*

Уж три века гордится собой деревенька,
Что её староверы зовут Москвино** –
То ли к славе московской великой ступенька,
То ль в историю предков московских окно...

Знать и раньше им снилась Московия
И российский безмерный простор,
Что забылись гоненья московские,
И названье связали с Москвой не в укор...

А потом подружились с Латгалией,
В ней увидели свет и судьбу
И о лучшем здесь часто мечтали
У Фейманки на мягком лугу...

* Мара, небесная покровительница Латгалии, в латгальском городе Резекне ей установлен бронзовый памятник.

** Староверская деревня в Латгалии на реке Фейманка.

И прижились здесь внуки Ивановы,
Им любить этот край суждено,
Открывать его прошлое заново
И гордиться тобой, Москвино....

Я КРЕЩЁН СТАРОВЕРОМ

В старом храме
Латгальского края
На рассвете осеннего дня
Мне досталася вера такая –
Старовером крестили меня –
Вместе с ней –
И судьба старовера,
И характер упрямый такой,
И поступкам –
Суровая мера,
И надежда на вечный покой.
Я её растерял по дорогам
И детей в другой церкви крестил,
А теперь признаюсь перед Богом –
Мало верил и много грешил,
Всё спешил этот мир переделать,
Осчастливить людей и себя,
А теперь –
Даже жить расхотелось...
Но как жить,
Этот мир не любя?
Как мне к вере своей
Прислониться,
На неё опереться,
Как в детстве, душой?
Пусть мне нынче хотя бы
Приснится
Старый храм
Над латгальской горой.

СНЕЖИНКИ ЛЮБВИ

Заметают года в моей памяти лица,
Как метель по земле заметает следы.
И всё реже мне юность латгальская снится,
И уже нету сил убегать от судьбы.

Белый снег, как повязка, ложится
На уставшие раны озябшей души,
И в безмолвии белом кружится,
Словно пепел сгоревшей любви.

А земля в белоснежной фате хорошает,
Хоть невестой на свадьбу зови...
Только снег белизной моё сердце не греет,
Только нету снежинок любви.

МНЕ СНИТСЯ СТАСЬКА БАЛАБОС

Мне повезло в Латгалию влюбиться,
Но до любви ответной не дороc
И не пойму, зачем полвека снится
Простой латгалец Стаська Балабос*.
Особой долей не был он отмечен
И даже трав, как Дукшт,** не собирал,
Зато с утра до самой поздней ночи
Он над землей спины не разгибал.
Всю жизнь свою молчком пахал и сеял,
Упрямо с поля камни убирал,
Что Бог поможет по-мужицки верил
И счастья за границей не искал.
Но что-то в нём особенное было,
То, до чего не смог я дорasti:
В его руках огромнейшая сила –
Он не давал земле латгальской застсти...

НАМ ДОРОГА ЛАТГАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Нам дорогА до слёз латгальская земля,
Она для нас почти родная –
Сюда бежали староверы от царя,
Детей и веру сберегая...

Никто тогда нас оккупантами не звал
За наш язык не упрекали.
Никто молиться Богу в храмах не мешал,
Нас земляками называли.

Теперь на русичей гонения опять,
Не тот язык употребляем.
Мол, можем в трудный час и недругами стать,
Корней своих не вырываем.

И что теперь? На Запад дальше убегать?
Искать защитников в Брюсселе?
На небе нас и предки могут не понять,
Они и большее терпели...

Нам в трудный час нельзя Латгалию бросать
И приближать ей увяданье.
Наш долг её, как встарь, от бед оберегать,
И это – Божье испытанье.

* Мой сосед по деревне.

** Латгальский собиратель целебных трав.